

С. С. Гусев

ЛОГИКО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ*

Аннотация: В статье обсуждается роль логических методов в анализе коммуникативных действий. Рассматривается структурная организация коммуникативных актов и выделяются их уровни. Понятия «значение» и «смысл» языковых выражений определяются в контексте коммуникации.

Ключевые слова: логика, языковая схема, коммуникация, текст, контекст, значение, смысл, понимание, логическая прагматика.

Abstract: The article is dedicated to the role of logical methods in analysis of acts of communication. Structural organization of acts of communication is observed and levels of these acts are distinguished. Such concepts as meaning and significance of language expression are defined in connection with context of communication.

Key words: logic, language system, communication, text, context, meaning, significance, understanding, logical pragmatics.

Существование людей невозможно без их устойчивого и целенаправленного общения друг с другом, осуществляемого посредством множества коммуникативных процессов различного типа. Такие процессы, происходящие в разных условиях и реализуемые на разных уровнях, составляют основу жизнедеятельности любой социальной системы. Поэтому их изучение должно способствовать формированию надежных способов регулирования коллективного поведения людей, осуществляемого во многих, реально возникающих жизненных ситуациях. Устойчивость многих форм коммуникативной деятельности, многократное, в случае необходимости, их воспроизведение в человеческой практике позволяют использовать для их анализа средства современной логики. И прежде всего это касается описания структурной организованности процессов межчеловеческого общения и построения всевозможных моделей, отображающих наиболее распространенные жизненные ситуации взаимодействия людей.

Особое значение при этом приобретает анализ речевых актов, составляющих важнейшую часть процессов общения. Логические средства оказываются в данном случае весьма эффективными, поскольку речевые акты осуществляются с использованием множества разнообразных высказываний, описание связей между которыми на языке логики давно уже стало традиционным.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ № гранта 07-03 006 10а.

В каждой конкретной ситуации межлического общения одновременно реализуются синтаксический, семантический и прагматический аспекты языковой деятельности, осуществляемой людьми в их взаимодействии как друг с другом, так и с окружающей реальностью, на которую направлены их коллективные усилия. Все эти аспекты неразрывно связаны между собой, но в то же время каждый из них по-своему определяет характер и направленность конкретных форм коммуникации.

Под синтаксисом (от греческого слова «порядок») обычно имеют в виду систему правил, определяющих построение различных типов высказываний в рамках некоторой конкретной языковой системы и правил, связывающих одни высказывания данной системы с другими. Такие правила позволяют отличать знаковые структуры, допустимые в определенном языке (естественном или искусственном) от тех, которые рассматриваются в качестве некорректных. При построении формальных моделей знаки, с помощью которых строится определенная система языка, задаются явным образом. В повседневной же практике межлического общения элементами речевого взаимодействия людей являются различные слова и выражения, с помощью которых организуются тексты, регулирующие жизнь как отдельных индивидов, так и общества в целом.

Синтаксический анализ языковой системы предполагает явное выделение элементарных форм, посредством которых конструируются всевозможные языковые выражения в данной системе, а также установление правил, определяющих, каким образом можно из одних корректно построенных выражений получать другие, столь же корректные. Наличие подобных правил задает критерии связности системы. Благодаря такой связности, например, зная некоторое предложение «а», можно установить, из каких других предложений выводимо данное, а также и то, какие предложения следуют из него. Конструируя определенную формально-логическую модель, исследователь может не интересоваться тем, в каких реальных ситуациях она окажется наиболее эффективной. В случае необходимости для ее содержательной интерпретации подбирается некоторая предметная область, на которой правила, определяющие данную модель, могут быть выполнены. Изучение реальных процессов межлического общения показывает, что данный формальный подход в теории коммуникации применим лишь отчасти. Чаще всего здесь используется противоположный ход рассуждений.

Так, специалист, изучающий коммуникативные процессы, определив условия, при которых коммуникативный акт может осуществляться, должен еще только найти формальную модель, наиболее полно отображающую не только данную локальную ситуацию, но и весь класс ситуаций, подобных ей. Трудности прямого применения средств формальной логики при анализе коммуникативных действий обусловлены тем, что в данном случае приходится учитывать спе-

цифику конкретных ситуационных условий, в которых осуществляется определенный акт межлического общения. Понятно, что между речевым действием, выражающим некоторое намерение автора передаваемого сообщения, и языковой формой, в которой проявляется ответная реакция получателя этого сообщения, всегда можно обнаружить определенную зависимость. Однако вряд ли ее можно представить прямо в виде непосредственного логического следования. К тому же и мысленные установки человека при их языковом оформлении могут существенно изменяться.

Во многом это обусловлено тем, что почти все коммуникативные акты осуществляются как минимум в двух, сложным образом связанных между собой структурных слоях. К одному из них относятся так называемые фатические (неинформационные) выражения, функция которых состоит в создании соответствующего канала связи, обеспечивающего возможность передавать различные сообщения. Это могут быть всевозможные «этикетные формулы» (приветствия, извинения), риторические вопросы, вопросы типа «Как жизнь?» и т. д. Содержание другого слоя составляют информационные высказывания, посредством которых передаются разнообразные сообщения. С помощью этих высказываний конструируются всевозможные тексты, используемые для регуляции как индивидуальной, так и коллективной жизнедеятельности людей на разных уровнях. Понятно, что без наличия устойчивого канала связи передача социально значимых сообщений становится весьма трудным делом. Но фатическое общение (с помощью которого такой канал оформляется) само по себе часто замещает реальные акты обмена информацией, создавая ситуацию иллюзорной коммуникации (например, разговор о погоде как способ избежать молчания в малознакомом окружении). На самом деле подобное общение играет роль сигнала о готовности вступить в содержательно информативный контакт с собеседниками.

Организация коммуникативного процесса определяется действием целостной системы регуляторов и правил, часть из которых может быть описана традиционными средствами логического синтаксиса, а часть проявляется в невербальной форме, а потому имеет неявный характер. Данное обстоятельство также препятствует созданию достаточно формализованных моделей межлического общения, обеспечивающего единство проявлений жизни любого общества. Созданию предварительных вариантов таких моделей может способствовать выделение в структуре коммуникативных процессов нескольких различающихся между собой уровней. На одних из этих уровней доминируют регуляторы собственно логико-грамматического характера, на других они играют вспомогательную роль.

В самом общем виде такие уровни можно представить следующим образом.

1. *Базисный уровень коммуникации.* На нем организуется связь отдельных слов в целостные предложения. Здесь преимущественную роль играют син-

таксические правила, задаваемые традиционными канонами используемого языка. В контексте конкретных коммуникативных действий предъявляемые друг другу собеседниками предложения оцениваются каждым из них, с одной стороны, как «правильные» или «неправильные», с другой — как «истинные» и «ложные», что позволяет рассматривать такие предложения в качестве логических высказываний и использовать для анализа отношений между ними средства традиционной логики.

II. *Средний уровень.* Он характеризуется различными способами соединения предложений в некоторый текст, играющий роль внешней формы сообщения, передаваемого от одного человека к другому. С точки зрения формального подхода суть коммуникативных процессов и состоит в производстве и трансляции таких текстов. Часть из них направлена на организацию общения, часть связана с распространением определенной информации. Характер построения текста определяется типом высказываний, входящих в его структуру (тип высказываний, в свою очередь, задает возможные отношения между ними как по логическому значению, так и по смысловым связям). На этом уровне логический синтаксис проявляется менее определенно, поскольку связь высказываний часто не выражена дискурсивно. К тому же и сам процесс конструирования текста распределяется по различным уровням коммуникативного действия (на одном возникает первичный вариант текста; на другом оформляются всевозможные комментарии, обрамляющие его; к транслируемому тексту добавляются критические замечания, указывающие на содержательные лакуны в тексте; возникают новые высказывания, заполняющие обнаруживаемые лакуны дополнительной информацией и т. д.).

III. *Высший уровень* обеспечивает собственно взаимодействие между отправителем сообщения и его адресатом. Именно здесь осуществляется их диалог, в процессе которого реализуются намерения и цели каждого собеседника. На этом уровне преимущественное значение имеют культурно-смысловые регуляторы коммуникации, а применение средств логического анализа может быть лишь фрагментарным и ограниченным. Синтаксические правила в данном случае представлены менее явным образом. На первый план выходят семантические отношения.

Поскольку любой речевой акт осуществляется с целью воздействовать на поведение получателей передаваемого сообщения, постольку его эффективность во многом определяется соответствием поставленной цели и достигнутого результата. Образы и того и другого так или иначе представлены в субъективной реальности каждого собеседника (т. е. существуют в разных «возможных мирах»). Автор сообщения может стремиться к тому, чтобы стимулировать определенное поведение своих собеседников; либо изменить уже осуществляемые ими действия, либо заблокировать их реакцию, нежелательную для него. В каждом

таком случае связь между переданным сигналом и ответной реакцией обусловливается не только формой используемых языковых конструкций, но и множеством сопутствующих обстоятельств, большинство из которых никогда не представлены явным образом. Поэтому в структуру формализованной модели диалога наряду с фактическими высказываниями, прямо выражающими намерения адресанта и непосредственно представленными в речевом акте, должны входить гипотетические высказывания, с помощью которых создаются описания предположительных состояний субъективной реальности каждого из участников этого диалога. Использование фактических и гипотетических высказываний в одном ряду позволяет связать явно выраженные и предположительно реконструируемые фрагменты текста в единое целое. Без такой связи никакое общение просто невозможно.

Собственно говоря, наличие таких элементов в реальных формах межчеловеческого общения отмечается с давних времен. Например, специалисты, изучающие средневековую культуру, обращают внимание на то, что одним из способов обоснования всевозможных текстов этого времени была ссылка на «примеры» (*exempla*), в основе которых лежала символическая связь «данного» и «возможного», предполагаемого¹. Такая связь, если говорить о ее логическом отображении, ближе к индуктивному рассуждению, нежели к прямому дедуктивному выводу. Ведь символическое отношение предполагает (подобно индуктивному шагу) выход за пределы «непосредственно данного». Целостность такого рода рассуждений ориентирована на потенциальное обоснование высказываемых утверждений в некотором будущем, поскольку в любом конкретном «настоящем» подобные конструкции содержат в себе информационные пробелы.

Но синтаксические связи фактических и гипотетических высказываний в структуре коммуникативного действия имеют слишком неопределенный характер. Их выявление и оценка эффективности всегда обусловлены условиями, определяющими особенности каждой локальной ситуации межчеловеческого общения. Именно особенности этих ситуаций определяют характер производства текстов, транслируемых внутри какого-то общества, влияют на способ восприятия сообщений, составляющих содержание таких текстов, на оценку их значимости и т. д. Одно и то же сообщение в разных ситуациях может восприниматься существенно различным образом. По-разному будет интерпретироваться и содержание текстов, предъявляемых участниками коммуникативных процессов друг другу. Данное обстоятельство определяет интерес к семантическому анализу текстов, используемых в коммуникативных действиях.

Под семантикой (от греческого «обозначать») традиционно понимается область изучения различных отношений, возникающих между языковыми выра-

¹ См., напр.: Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1988. С. 236.

жениями, используемыми человеком, и теми внеязыковыми сущностями, на которые эти выражения указывают. В связи с этим выделяют такие области семантики, как референцию (в рамках которой анализируется соответствие знаков обозначаемым ими объектам) и теорию смысла (ориентированную на выявление информационного содержания, представленного в используемых знаковых структурах). Средства логической семантики обеспечивают решение многих задач, связанных с обоснованием всевозможных рассуждений и доказательством истинности высказываний, входящих в структуру различных умозаключений. Кроме того, они позволяют устранить некоторые антиномии мышления, что способствует повышению оптимальности и эффективности интеллектуальных действий в целом.

Семантический анализ коммуникативных ситуаций в еще большей степени предполагает рассмотрение реальных условий, в которых происходит межчеловеческое общение. При этом приходится учитывать такие особенности языковой деятельности, от которой традиционная логика обычно отвлекается. В частности, создание моделей диалога, в который включены несколько собеседников (их число может быть значительно больше двух), обуславливает необходимость изучать взаимодействие представлений каждого из участников коммуникации о той позиции, которую они занимают в определенный момент общения. Любой из них оказывается попеременно то в роли автора, передающего некоторое сообщение, то адресата, воспринимающего отправленную ему информацию. И поскольку такие роли имеют достаточно динамичный характер (к тому же не всегда могут быть представлены явным образом), постольку адекватное описание коммуникативных процессов исключительно в рамках синтаксического подхода сталкивается с существенными трудностями.

Во многом это обусловлено тем, что реальное общение людей, участвующих в каком-то коллективном действии, не осуществляется с помощью передачи отдельных слов и выражений. Элементарной структурной формой в данном случае оказываются различные тексты, выражающие намерения и определенные поведенческие акты собеседников. В связи с этим семантический анализ коммуникативных актов направлен в первую очередь на изучение специфики отношений между текстами. Такие отношения не могут регулироваться чисто формальными средствами. Ведь предметным значением транслируемых текстов является не некая объективно представленная действительность, а мысленные установки, мнения и намерения людей, вступающих в контакт друг с другом. Участники коммуникативного действия, передавая и получая какое-то сообщение, одновременно реагируют как на чувственно представленную форму знаков, так и на связанное с этой формой содержание.

Однако нужно иметь в виду, что не всякое воспринимаемое человеком внешнее явление обязательно осознается им в качестве «знака», замещающего какой-то иной объект. Ощущения, возникающие у человека при его контак-

те с окружающей средой, сигнализируют лишь о некоем внешнем воздействии, и только. Чтобы понять такое воздействие в качестве указания на какую-то определенную объективную сущность, человек должен обладать навыком распознавания в воспринимаемом явлении особых «знаковых характеристик». А они не принадлежат непосредственно материальной форме знака, так как обусловлены социально-культурным опытом каждого человека. Лишь в случае оценки внешних воздействий как именно знаков человек оказывается способным отнестись к языковому поведению окружающих его людей как к попытке передать ему некое содержательное сообщение.

Тогда и формы такого поведения будут восприниматься им в качестве определенных знаковых структур. При этом каждому знаку приписываются определенное значение (в традиционной семиотике это внеязыковая сущность, на который данный знак указывает) и смысл (мыслимое отношение человека к отображаемой сущности). Поскольку многообразные тексты используются не для прямого обозначения предметов и явлений самой объективной действительности, а предназначены для стимуляции конкретных вариантов поведения тех, для кого данное сообщение предназначено, постольку текст (как знак) указывает на соответствующие интеллектуальные установки и речевые действия контактирующих между собой людей, а также на то, какие из этих действий допустимы и адекватны в каждой конкретной ситуации межлического общения. В этом случае значение коммуникативных знаков (текстов) связано с определением темы общения, а смысл — с указанием на желаемую цель, для достижения которой люди и вступают во взаимодействие друг с другом.

Совокупность высказываний, используемых в передаваемых сообщениях, определяет границы «темы», вокруг которой формируется диалог между разными людьми. Тема же задает «значение» сообщений, предъявляемых собеседниками друг другу, тогда как смысловая интерпретация текста способствует выяснению мотивов поведения каждого собеседника, а также целей, с достижением которых связано выделение данной темы. Следовательно, при семантическом анализе коммуникации языковые конструкции сопоставляются не с какими-то внеязыковыми сущностями, а с другими языковыми конструкциями. В результате проясняются отношения между различными уровнями знаковых систем, используемых в межлическом общении. Осуществление любого коммуникативного акта реализует одновременно несколько различных функций, каждая из которых обладает своими особенностями.

В межлическом общении не только осуществляется передача некоторой информации, но и выражаются определенные намерения говорящего, а также его эмоциональное состояние. И получатель сообщения, воспринимая предъявляемый ему текст, явно или неявно оценивает его в совокупности всех данных аспек-

тов. В разных ситуациях их значение для участников общения оказывается различным. В частности, адресат может разделять предполагаемые эмоции автора сообщения, но отрицательно относиться к его намерениям. Тогда он постарается заблокировать поступающую к нему информацию, которая должна побуждать его к определенным действиям, или может негативно воспринять проявляемые адресантом эмоции, но высоко оценивать значимость полученной информации.

Разброс вариантов в отношении к транслируемому тексту определяется не только полнотой обозначения в нем обсуждаемой темы, но и степенью понимания и «говорящим», и «слушающим» особенностей возникшей ситуации. При этом эффективность их взаимодействия во многом зависит от того, какую роль играет сама потребность во взаимном понимании у разных людей, вступающих в общение друг с другом. Можно ведь вполне успешно выполнять инструкцию, полученную от начальства, даже не стараясь содержательно ее осмыслить. Или осуществлять совместные действия, просто подражая кому-то, воспринимаемому в качестве «лидера», автоматически воспроизводя привычные стандартные процедуры, и т. д. Настоящий же диалог происходит там, где каждый участник анализирует поступающие от собеседников разнообразные сведения, оценивая их в качестве «истинных», «соответствующих» (или отвергая их, отказываясь от дальнейшего общения).

В рамках реальной коммуникативной практики любой текст, воспринимаемый его получателями, оценивается с точки зрения того, насколько переданное сообщение способствует (или препятствует) достижению индивидуальных и коллективных целей всех участников общения. Сами такие цели не всегда осознаются явным образом, однако они косвенно влияют на принятие или отторжение содержащейся в текстах информации. Референциальный аспект коммуникативного действия проявляется в том, что, понимая друг друга, люди сходным образом определяют границы обсуждаемой темы. Под пониманием в данном случае имеется в виду способность человека реконструировать комплекс внутренних мотиваций других участников коммуникации и совместить его со своими установками. В дальнейшем, углубляя достигнутое согласие, собеседники могут предпринимать совместные усилия по выявлению и уточнению связей между смысловыми комплексами каждого из них.

Достижение взаимного понимания приводит к установлению определенного сходства в оценках значений и смыслов, которые участники коммуникации приписывают создаваемым и принимаемым ими текстам. Поэтому семантический аспект коммуникативных действий связан с ориентацией на рассмотрение отношений между содержанием исходных установок инициатора общения и содержанием ответных действий тех, кто является получателем соответствующего сообщения. Посылая некий сигнал своим собеседникам, человек настроен не просто на любой ответ, а на вполне определенную реак-

цию окружающих. Следовательно, его представления об имеющейся ситуации обусловлены имеющимися у него ожиданиями. Но ожидания остальных участников коммуникативного действия могут провоцировать у них кардинально иные оценки происходящего.

Под «ожиданием» в данном случае имеется в виду возможность предсказывать поведение собеседника, поэтому именно степень совпадения ожиданий определяет уровень достигнутого взаимопонимания. Сами эти ожидания обусловлены множеством факторов: знаниями человека, его намерениями и целями, навыками общения и действия, степенью доверия к собеседникам, адекватностью оценок как сложившейся ситуации, так и своей роли в ней, и т. д. Многообразие таких факторов объясняет, почему ожидания инициатора общения и тех, с кем он вступает в контакт, часто существенно не совпадают. Ведь поведение первого определяется его стремлением однозначно стимулировать нужную ему реакцию адресата на передаваемое сообщение. Адресат же ориентирован на раскрытие намерений и целей автора сообщения и на возможность обратного воздействия на него своим поведением (в том числе и речевым). Бывает и так, что представления о значимости конечного результата общения совпадают у всех его участников, но различаются оценки ситуации или представления о роли кого-то из собеседников.

На любом шаге коммуникативного действия приходится искать ответы на множество вопросов: имеет ли человек, осуществляющий определенный речевой акт, право на подобное действие? С какой целью данный акт осуществляется? Какой реакции ожидает говорящий? В какой степени можно ему доверять? Стоит ли с ним соглашаться? Подобные и некоторые другие вопросы непосредственным образом влияют на характер и направленность диалогов, посредством которых и осуществляются коммуникативные действия. Совокупность таких вопросов задает конкретный контекст, в рамках которого происходят восприятие и содержательная интерпретация передаваемых и получаемых сообщений. Для осмысления сущности коммуникативных действий термин «контекст» играет очень важную роль. Но, несмотря на постоянное его употребление в самых различных ситуациях, данный термин до сих пор не приобрел какого-то однозначного толкования и используется весьма неодинаковым образом.

Можно определить «контекст» как способ нахождения адресатом алгоритма, позволяющего выводить из непосредственно предъявляемых ему высказываний их неявно представленное, глубинное содержание (комплекс возможных следствий). Если такой алгоритм оказывается достаточно сходным у отправителя сообщения и его получателя, системы их внутренних установок оказываются взаимно согласованными, и различные участники коммуникативного процесса связывают с используемыми текстами один и тот же контекст. В этом случае взаимное понимание возникает достаточно просто. Однако в большинстве ре-

альных коммуникативных ситуаций для того, чтобы прийти к согласию между собой, каждому из собеседников приходится затрачивать определенные усилия. Ведь выявление значения и смыслов транслируемого текста зависит от множества факторов, не все из которых обязательно совпадают у разных участников общения.

Сложность оценки получаемых сообщений часто обусловлена тем, что восприятие и понимание текстов, используемых в процессах межличностного общения, во многом зависят от условий взаимодействия самих текстов, циркулирующих в каждой из групп, составляющих определенное общество. А эти условия часто оказывают свое воздействие на людей неявным образом. Одним из первых, кто обратил внимание на данное обстоятельство, был Дж. Л. Остин, инициатор разработки теории речевых актов. С его точки зрения объектом логико-семиотического анализа должны быть не специализированные языки научного познания, а естественные языки, с помощью которых осуществляется повседневное общение людей. Он не раз указывал на то, что для понимания используемых предложений всегда необходимо учитывать обстановку их произнесения. Например, фраза «я тебя убью» выражает разное содержание, будучи произнесена в шутку или всерьез.

В связи с этим Остин кроме «значения» высказываний, составляющих структуру сообщения, выделил и такую их характеристику, как «сила». «Значение», с его точки зрения, указывает на осознание слушающим того, что было сказано, тогда как «сила» определяет то, как надо понимать сказанное². Очевидно, что обе эти характеристики каждого из высказываний только в своей совокупности определяют степень воздействия передаваемого сообщения на тех, кому оно адресовано. При этом следует иметь в виду, что некоторый набор различных высказываний может восприниматься в качестве значащего сообщения лишь тогда, когда явно осознается связь между элементами данного набора. А поскольку «сила» высказывания существенно корректируется такими невербальными компонентами речи, как мимика, интонация, жестикация (способствующими прояснению неявного содержания говоримого), постольку связность и целостность циркулирующих в обществе текстов обуславливается с помощью средств принципиально различной сущности.

Особой семантикой в реальных формах межличностного общения обладают, например, такие его элементы, как паузы, замедление коммуникативного процесса, временное его прерывание. Все подобные средства создают неявный, вторичный, лишь предполагаемый контекст. Этот контекст почти

² Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 70.

никогда не проясняется явным образом, но достаточно уверенно распознается людьми, имеющими определенный коммуникативный навык. Внезапное молчание говорившего, казалось бы ничем не обусловленное, иногда может многое сказать его собеседникам. Отвечает человек на заданный ему вопрос или отказывается отвечать — подобные действия играют важную роль в коммуникативном процессе, поскольку заставляют каждого из собеседников продолжать общение или отказываться от дальнейшего участия в нем в определенный данный момент.

Разрывы, возникающие в структуре коммуникативного акта, оказываются особой формой сообщения именно потому, что позволяют судить о внутреннем состоянии человека, осуществляющего конкретные речевые действия. Возникающие в диалоге паузы выполняют функцию своеобразной референции, указывая на определенные мотивы и установки собеседника. Но важно уметь отличать прерывание общения от его общего завершения. Ведь инициатор диалога может оценить какую-то его стадию как конечную, сочтя желаемый результат достигнутым. В этом случае лишь взаимное понимание всех участников коммуникации может обеспечить адекватную оценку ими сложившегося положения дел. Если хотя бы один из собеседников в отличие от остальных будет исходить из необходимости продолжать общение, он столкнется с негативной реакцией партнеров, что может осложнить их взаимодействие. Рассогласование подобного рода нередко оказывается причиной всевозможных затруднений в социальной действительности.

Реальное повседневное общение людей осуществляется посредством достаточно ограниченного набора языковых средств. Однако всевозможные комбинации этих средств порождают огромный массив сообщений разного рода. Передача каких-то сведений от одного человека к другому, выражение различных просьб и пожеланий, предъявление инструкций и приказов, демонстрация сожаления и проявление сочувствия — эти и множество других речевых действий часто осуществляются с применением, казалось бы, одних и тех же слов и предложений. И только уточнение характера и направленности соответствующих референций позволяет выявлять всевозможные нюансы и оттенки циркулирующих в обществе текстов, которые могут указать на различия в способах истолкования их содержания.

Конструируя некоторое сообщение и передавая его другим участникам коммуникативного действия, его автор выражает свое внутреннее состояние: демонстрирует какие-то намерения, проявляет определенные эмоции, явно или неявно высказывает мнение по поводу сложившейся ситуации, оценивает успешность как своих, так и чужих действий т. д. Следовательно, транслируемое сообщение представляет собой описание его субъективной реальности. Можно ли в данном случае утверждать, что содержание данной субъективной реальности

(в той степени, в которой человек его осознает) и языковое оформление этого содержания являются взаимно совместимыми? Понятно, что для самого автора транслируемого сообщения они не совпадают полностью. «Внутренняя» и «внешняя» формы речи не тождественны (здесь действует известная формула «мысль изреченная есть ложь»).

Не менее сложная ситуация возникает и там, где приходится оценивать истинностное значение высказываний автора текста о самом этом тексте. Если некто произносит слова «я лгу», то принятие данной фразы в качестве истинной должно свидетельствовать о ее ложности, тогда как убеждение в ее ложности заставляет оценить ее в качестве истинной. При абстрактном рассмотрении подобных ситуаций предъявляемое высказывание и способ его обоснования неявно связываются с одним и тем же контекстом. В этом случае обнаруживаемые затруднения кажутся неразрешимыми. Но в реальной коммуникативной практике каждое сообщение и каждый его элемент должны интерпретироваться и оцениваться в рамках взаимодействия разных контекстов. Ведь любой текст обладает двойной референцией. Одна из них указывает на отношение его автора к используемым им словам и предложениям, другая же — на его намерения и ожидания. И восприятие передаваемого сообщения его получателями определяется оценкой соотношения обоих этих контекстов.

Одно дело, если произносящий определенные слова верит в их справедливость, соглашается с ними. Другое — если он мысленно отрицает сказанное вслух. И в том и в другом случае предъявляемые собеседникам утверждения (в том числе и предупреждение о ложности высказываемых утверждений) направлены на создание у слушателей соответствующего спектра ожиданий, влияющего на восприятие передаваемого сообщения и его трактовку. Но выбор средств воздействия на собеседников зависит от реального характера намерений и установок, преобладающих в данный момент во внутреннем мире инициатора общения. К тому же на достижимость ожидаемого результата обратное воздействие оказывает и контекст, связанный с отношением «слушающих» к «говорящему». Воспринимают ли они предъявленный им текст в качестве действительного «самоописания» или считают его лишь формой маскировки подлинных намерений его автора — от этого также зависит степень взаимопонимания участников коммуникативного действия.

Межчеловеческое общение становится достаточно эффективным лишь тогда, когда все его участники не только сходным образом определяют границы темы, на которую это сообщение указывает, но и одинаково выявляют смысл сообщения, т. е. оценивают значимость получаемой информации для достижения коллективных и индивидуальных целей. Осознание того, что содержит транслируемый текст составляет необходимый, но лишь поверхностный слой межчеловеческого общения. Действительное декодирование сооб-

щения, представленного текстом, осуществляется лишь тогда, когда адресат устанавливает, для чего ему послан соответствующий сигнал и способствует ли он повышению эффективности действий, осуществляемых им. В связи с важностью таких вопросов с середины XX столетия начинает достаточно быстро развиваться и логическая прагматика.

Данный термин происходит от греческого слова, переводимого как «действие». Прагматика связана с изучением закономерностей, регулирующих использование всевозможных знаковых структур в различных ситуациях человеческой деятельности (в том числе и в процессах коммуникации). До сих пор традиционная логика довольно эпизодически обращалась к проблемам прагматики. Однако сегодня уже многие авторы не ограничиваются изучением только того, как конструируются всевозможные формальные модели коммуникации (что характерно для синтаксического подхода), или семантическим анализом способов их содержательной интерпретации, но все больше обращают внимание и на то, как подобные интерпретации влияют на человеческое поведение. В этом случае под прагматикой понимается область изучения системы правил, определяющих создание и функционирование всевозможных текстов, направленных на регуляцию человеческого поведения, осуществляемого в различных условиях. Интерес к таким проблемам во многом стимулируется разработками «теории речевых актов», получившей сегодня широкое распространение.

Множество попыток использовать формализованные языки для конструирования четких структур, представляющих различные типы интеллектуальных действий (в том числе и действий, представляющих всевозможные акты межчеловеческого общения), привели к осознанию того обстоятельства, что осмысленность и истинностное значение высказываний, с помощью которых эти действия осуществляются, всегда обуславливаются целями людей, участвующих в коммуникативных процессах, их оценками эффективности предпринимаемых усилий, представлением каждого из собеседников о своей роли в конкретной ситуации межчеловеческого общения и множеством других факторов. Поскольку средства логического описания и анализа применимы только к тем фрагментам содержания мыслительной сферы, которые оформлены посредством стандартных языковых форм, постольку непосредственным материалом логической прагматики являются всевозможные правила, регулирующие акты выбора людьми тех языковых средств, которые с точки зрения их пользователя наиболее адекватны конкретной ситуации общения.

Логике, как известно, интересуют не события и факты действительного мира, а различные формы их представления в определенной системе языка. Поэтому логическая прагматика эффективна там, где оказывается возможным установить явную связь речевых актов, передающих определенное намерение инициатора общения, с языковыми действиями, посредством которых его

собеседники выражают свое отношение к тому, что им сообщается. Понятно, что подобная связь довольно редко может быть представлена в виде традиционного логического умозаключения, в котором высказывания, выражающие поведенческую программу адресатов, непосредственно следуют из текста, предъявляемого им адресантом. Однако в реальной практике межлического общения способ формулирования определенной задачи существенно определяет и направленность поиска ее возможного решения. Как справедливо утверждают математики, «четко поставленная задача уже наполовину решенная задача».

Выделение прагматического аспекта коммуникативных действий предполагает особое внимание к конкретным формам речевых актов, посредством которых люди сообщают друг другу о своих намерениях, предъявляют какие-то требования, передают инструкции, указывающие на то, какие действия являются допустимыми, а какие запретными и т. д. Каждый такой акт представляет собой определенный комплекс высказываний, регулирующих как отношения людей, вступающих во взаимодействие друг с другом, так и оценку ими успешности предпринимаемых усилий. Поэтому в отличие от синтаксического и семантического подходов к изучению реальных процессов межлического общения прагматический анализ предполагает обязательный учет не только степени соответствия намерений автора передаваемых сообщений избранной им форме речевой активности, но и фиксацию того, насколько полно и адекватно сообщение принято его адресатами.

Необходимость представлять явным образом мысленные рассуждения участников коммуникации (на самом деле не всегда и не полностью выражаемых в явной языковой форме) порождает существенные трудности, с которыми традиционный логический подход обычно не сталкивается. И особенность прагматического подхода к изучению коммуникативных действий обусловлена тем, что реальный речевой акт, как уже говорилось, соединяет в себе сразу несколько аспектов: передает определенную информацию; выражает внутреннее эмоционально-психические состояния участников общения; стимулирует ответные действия получателей сообщения. Некоторые из этих слоев содержания транслируемого текста выражены посредством явно предъявляемых собеседниками языковых структур, другие же имеют невербальную природу, тем не менее являясь весьма существенным элементом, определяющим характер межлического общения. И индивидуальное поведение каждого из его участников на разных стадиях общения может определяться тем, что в какой-то момент один из перечисленных аспектов доминирует над другими.

Прагматический анализ направлен на выявление правил, регулирующих использование людьми языковых средств, имеющихся в их распоряжении, для воздействия на поведение окружающих. Цель подобного воздействия — эф-

фективная организация коллективной деятельности, в которую люди вовлекаются. Реальная практика межчеловеческого общения не сводится к простому акту передачи какого-то сообщения от одного индивида к другому (или другим). Чаще всего в коммуникативный процесс вовлекается большее число людей, чем это изначально предполагалось. Поэтому при описании структуры коммуникативного действия помимо автора передаваемого текста и его адресатов включаются так называемые «присутствующие». Часть из них расценивается в качестве «случайных собеседников», на общение с которыми адресант не рассчитывает (и даже может постараться заблокировать его). Однако есть и такие, наличие которых им учитывается, хотя они и не принимают активного участия в актуальном диалоге отправителя сообщения и его получателей.

В связи с этим выделяются различные типы коммуникативных действий, реализация которых регулируется различными правилами. Одна группа таких правил направлена на создание новых ситуаций человеческого взаимодействия, другая же обеспечивает функционирование людей в рамках ситуаций уже существующих. И прагматический анализ позволяет выявить факторы, определяющие выбор индивидом таких языковых средств, которые с его точки зрения наиболее адекватны «сиюминутной» стадии общения. Всевозможные высказывания, посредством которых конструируется транслируемое сообщение, оцениваются не по шкале «истинно–ложно», а по степени их эффективности в каждой конкретной данной ситуации. Как раз для этого кроме такой традиционной характеристики используемых предложений, как их логическое значение, вводится еще и оценка «силы высказывания».

Под «силой» сообщения здесь понимается степень связи между грамматической формой предложений, составляющих структуру соответствующего текста, и характером речевого поведения тех, кто воспринимает и интерпретирует этот текст. Поскольку успешность межчеловеческого взаимодействия зависит от того, насколько его участникам удастся учесть специфические условия, в которых осуществляется их общение в каждый данный момент, постольку важно учитывать достаточно явное влияние особенностей каждой конкретной ситуации на характер поведения людей, находящихся в данных условиях. Хотя в реальной практике редко удастся зафиксировать строгую логическую последовательность между формой передаваемого сообщения и ответной реакцией на него, определенную обусловленность одного другим все же удастся обнаружить.

Множество высказываний, входящих в структуру передаваемого текста, создают нечто вроде «семантического канала», существенно ограничивающего разброс возможных действий со стороны получателей этого текста. Такой канал существенным образом зависит от так называемых «неявных предпосылок», скрыто присутствующих в структуре любого текста, передаваемого

ЛОГИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ

в процессах межчеловеческого общения. Эти предпосылки (получившие название «пресуппозиций») обеспечивают восприятие передаваемых текстов как осмысленных сообщений, без чего их содержательная интерпретация была бы невозможной. Анализ пресуппозиций позволяет выявить глубинную связь семантического и прагматического аспектов коммуникативного действия, что и обуславливает целостный характер человеческого поведения, реализуемого в самых разных жизненных условиях.

Таким образом, эффективный анализ реальных процессов коммуникации, осуществляемых в процессе жизнедеятельности любого общества, требует комплексного подхода, при котором будет необходимо учитываться сложное взаимодействие различных аспектов межчеловеческого общения, по-разному определяющих каждый локальный момент взаимодействия людей.